

Ванин Владимир Алексеевич, Слезин Анатолий Анатольевич

**СТИЛЬ ВНУТРИСОЮЗНОЙ РАБОТЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СЕРЕДИНЫ 1950-Х ГОДОВ**

В статье на материалах Тамбовской области выявлены основные тенденции в развитии внутрисоюзных отношений в провинциальных комсомольских организациях 1953-1957 гг. Наряду с развитием критики и самокритики, принципа коллегиальности при принятии решений, восстановлением выборности всех комсомольских органов авторы обращают внимание на иждивенческие настроения, шапкозакидательство, превалирование "бумажных" методов руководства, неравномерное распределение поручений и другие явления, не позволившие, в конечном счете, оправдать надежды на радикальные перемены в период внутрисоюзной "оттепели".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 50-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

9. **Комаров С. В.** Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007.
10. **Кэрролл Л.** Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: сказочные повести / пер. с англ. Н. Демуровой. СПб.: Амфора, 2010.
11. **Лейбниц Г.-В.** Монадология // Лейбниц Г.-В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1982. Т. I. С. 413–429.
12. **Мураками Х.** Дэнс, дэнс, дэнс / пер. с яп. Д. Коваленина. М.: Эксмо, 2009.
13. **Плат Э.** Ниспровержение субъекта у Лакана / пер. с англ. Л. Кудри // Хора: журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. Курск, 2009. № 3–4 (9/10). С. 93–108.
14. **Погоняйло А. Г.** Монадология и номадология // Метафизические исследования. Статус иного: альманах Лаборатории метафизических исследований. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 14. С. 127–133.
15. **Хайдеггер М.** Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003.
16. **Хайдеггер М.** Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем.; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина. СПб.: Наука, 2001. С. 330–350.
17. **Cheng C. J.-Y.** On Subjectivity in Deleuze's «The Fold» // NTU Studies in Language and Literature. Taiwan: National Taiwan University Press, 2007. № 17. P. 79–100.
18. **Deleuze G.** Empiricism and Subjectivity: an essay on Hume's Theory of Human Nature / translated and with an introduction by Constantin V. Boundas. New York: Columbia University Press, 1990.
19. **Deleuze G., Guattari F.** Nomadology: the War Machine / translated by Brian Massumi. Seattle, WA, 2010.
20. **Fink B.** The Lacanian Subject: between Language and Jouissance. Princeton: Princeton University Press, 1995.
21. **Sinnerbrink R.** Nomadology or Ideology? Zizek's Critique of Deleuze // Parrhesia: a journal of critical philosophy. Melbourne: Open Humanities Press, 2006. № 1. P. 62–87.

NEW CONCEPT OF SUBJECT: ADAPTATION

Ekaterina Vyacheslavovna Biricheva
Department of Ontology and Epistemology
Ural Federal University
coldfree@yandex.ru

The author rethinks the notion of “subject” in the context of contemporary “ontology of Event”, shows that within this task the methodology of G. Deleuze is quite productive and gives a hint about the possible answer to the question of overcoming the metaphysical meaning of the category “subject”, and basing on this methodology application and the implementation of G. Deleuze's “nomadological project” suggests the new concept of the subject developed on the specific understanding of meaning and being.

Key words and phrases: subject; Gilles Deleuze; meaning; being; concept of adaptation; nomadological project.

УДК 94(47).084.9

Исторические науки и археология

В статье на материалах Тамбовской области выявлены основные тенденции в развитии внутрисоюзных отношений в провинциальных комсомольских организациях 1953-1957 гг. Наряду с развитием критики и самокритики, принципа коллегиальности при принятии решений, восстановлением выборности всех комсомольских органов авторы обращают внимание на иждивенческие настроения, шапкозакидательство, преувеличение «бумажных» методов руководства, неравномерное распределение поручений и другие явления, не позволившие, в конечном счете, оправдать надежды на радикальные перемены в период внутрисоюзной «оттепели».

Ключевые слова и фразы: молодежь; комсомол; «оттепель»; актив и массы; бюрократизм; чиновничество; критика и самокритика; иждивенческие настроения.

Владимир Алексеевич Ванин
Анатолий Анатольевич Слезин, д.и.н., профессор
Кафедра «История и философия»
Тамбовский государственный технический университет
hist-tstu@mail.ru

СТИЛЬ ВНУТРИСОЮЗНОЙ РАБОТЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СЕРЕДИНЫ 1950-Х ГОДОВ©

После смерти И. В. Сталина в строгом соответствии с Уставом ВЛКСМ стали созываться областные, районные и городские комсомольские конференции, пленумы комитетов ВЛКСМ, отчетно-выборные собрания в первичных организациях. Изменилась лексика официальных выступлений на комсомольских конференциях и

собраниях. Из них довольно быстро исчезли упоминания великой роли Сталина, но любовь к цитатам партийных вождей сохранилась. Много говорилось о развитии критики и самокритики, внутрисоюзной демократии. Но подобные кампании проводились и раньше. «Развивали демократию» почти только бюрократическими методами: опираясь на силу резолюций, постановлений. Время от времени на места «спускались» резолюции о том, что надо уменьшить число резолюций, сократить переписку с подчиненными организациями, чаще бывать на местах. Как правило, критика распределялась по уровням комсомольской иерархии: ЦК критиковал обком, областной комитет – районные и городские комитеты, те в свою очередь предъявляли практически аналогичные претензии первичным организациям. Причем критика носила явно кампанейский характер.

В то же время все чаще проявлялась критика «снизу»: представители первичных организаций критиковали райкомы и горкомы, те «жаловались» на недостаточную помощь обкома, обком «мечтал» о большей «практической помощи» ЦК. Правда, создается впечатление, что это была своеобразная игра в демократию. На пленумах и конференциях разных уровней как будто нарочно создавалось впечатление о росте критики, но тут же представители вышестоящих инстанций находили «объективные причины своих промахов». Приведем в этой связи типичную цитату из выступления члена бюро Токаревского райкома ВЛКСМ на пленуме райкома в 1953 г.: «Мне еще хочется сказать, что все вопросы нужно решать самим секретарям комсомольских организаций и не дожидаться помощи штатных работников райкома ВЛКСМ. Они не в силах в один месяц побывать в каждой комсомольской организации» [4, д. 39, л. 6 об.]. На следующем пленуме (конференции) сценарий обычно повторялся, а та или иная проблема в итоге приобретала хронический характер. Тем более, что комитеты ВЛКСМ обычно не контролировали конкретные решения местных комсомольских инстанций. Заведующий отделом кадров и оргинструкторской работы Токаревского райкома ВЛКСМ именно в этом справедливо видел причину того, что «пространные решения, принятые на бюро и пленумах Райкома ВЛКСМ, остаются невыполненными и превращаются в пустую бумажку» [Там же, л. 25].

Попытку наладить работу по-новому в марте 1954 г. предпринял XII съезд ВЛКСМ. В Приветствии ЦК КПСС съезду было провозглашено: «В центре внимания комсомольских организаций должны быть живые люди – комсомольцы и советская молодежь, постоянная забота об их труде, быте, образовании и воспитании, об удовлетворении все возрастающих запросов и интересов юношей и девушек» [7, с. 418]. Осудив как стремления ЦК ВЛКСМ регламентировать из центра всю работу в комсомоле, вплоть до комсомольской группы, так и иждивенческие настроения у тех руководителей разных уровней, которые пассивно ожидают по каждому вопросу указаний и распоряжений сверху, съезд обязал комсомольские органы обеспечить последовательное повышение активности комсомольских организаций и членов ВЛКСМ, неукоснительное соблюдение принципа коллективности в работе.

В новой редакции Устава ВЛКСМ успех комсомольской деятельности напрямую связывался с созданием атмосферы принципиальности, критики и самокритики. Устав требовал вскрывать недостатки в работе и не только сообщать о них в руководящие комсомольские органы вплоть до Центрального Комитета ВЛКСМ, невзирая на лица, но и самому добиваться их устранения [Там же, с. 425].

После съезда были отменены многие формы отчетности, сокращены штаты аппаратов комитетов комсомола, «в отдельных случаях» разрешалось избирать секретарями районных и городских комитетов ВЛКСМ комсомольцев, не являющихся членами или кандидатами в члены партии [Там же, с. 429]. Но одновременно на общественных началах создавались различные комиссии, советы, комитеты, штабы и т.п. В приветствии съезда в адрес ЦК КПСС и в резолюции по отчетному докладу на первый план выдвигалась задача активного участия комсомольских организаций в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. Устав ВЛКСМ вслед за партийным уставом зафиксировал, что «ВЛКСМ является помощником Коммунистической партии во всем государственном и хозяйственном строительстве» [Там же, с. 424].

По существу ритуальными стали фразы о характере отношений между комсомольскими и партийными организациями. Так, в отчетном докладе на областной комсомольской конференции в декабре 1955 г. подчеркивалось: «Обком ВЛКСМ работал при повседневном руководстве обкома КПСС и ЦК ВЛКСМ, с их стороны мы всегда чувствовали всемерную поддержку во всех проводимых мероприятиях». При этом все недостатки в партийно-комсомольских отношениях оправдывались или «самокритично» взваливались на комсомол: «Бюро обкома ВЛКСМ, многие райкомы и горкомы мало за отчетный период выдвигали вопросов перед партийными органами. Этот недостаток должен быть учтен новым составом обкома ВЛКСМ». Заканчивался отчетный доклад традиционной здравицей в честь КПСС: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — организатор и руководитель всех побед советского народа за построение коммунизма!» [5, д. 1135, л. 49].

В 1956-1957 гг. во всех территориальных организациях ВЛКСМ была полностью восстановлена выборность комсомольских органов. Постановлением Бюро ЦК ВЛКСМ от 16 января 1956 г. были отменены должности комсorghов Центрального Комитета на предприятиях индустрии и транспорта, должности помощников начальников политотделов по комсомолу в ряде отраслей народного хозяйства государственного управления. ЦК ВЛКСМ провозгласил принятие мер по устранению излишней опеки и регламентации деятельности местных комсомольских органов.

Ранее вряд ли была бы возможна ситуация, случившаяся на Тамбовской областной комсомольской конференции в декабре 1955 г., когда в ответ на «церемониальный» вопрос председательствующего: «Какие у Вас будут замечания по составу президиума?» вдруг не только прозвучали, но и были утверждены дополнительные предложения по составу президиума [Там же, д. 1246, л. 3].

Вместе с тем, сам Тамбовский обком ВЛКСМ признавал, что «работа во многих комитетах комсомола предприятий ведется очень скудно, неинтересно и ограничивается порой проведением раз в 2-3 месяца, а то и реже комсомольского собрания, да сбором членских взносов» [Там же, л. 11]. Причем данные недостатки в основном объяснялись организационной слабостью и малочисленностью первичных организаций, пороками руководства их деятельностью со стороны обкома, горкома и райкомов ВЛКСМ.

В 1955 г. резкой критике был подвергнут Мичуринский горком ВЛКСМ. Оправдавшие себя такие формы в работе с молодежью как городские слеты, соревнования молодежных бригад, соревнования по профессиям, технические конференции, месячники по рационализации, встречи с кадровыми рабочими, конкурсы здесь не проводились.

Основной причиной недостатков обком называл стиль руководства горкома ВЛКСМ: формальное отношение к своим обязанностям, работу без огонька, редкое посещение первичных организаций, пренебрежение мнением актива и молодых специалистов [Там же, л. 11-12].

Тем не менее, нельзя не заметить рост критических настроений «снизу». Показательно, что при проведении отчетов и выборов в 1955 г. работе 159 комитетов и секретарей первичных комсомольских организаций тамбовской области была дана неудовлетворительная оценка [Там же, д. 1135, л. 42]. В 1954-1955 гг. было освобождено от работы 9 первых и вторых секретарей райкомов комсомола («как несправившихся и скомпрометировавших себя») [Там же, л. 46]. В 1957 г. в ходе перевыборной кампании в 90 первичных комсомольских организациях работа была признана неудовлетворительной [Там же, д. 1373а, л. 52].

Секретари Тамбовского обкома ВЛКСМ также все чаще в официальных выступлениях прибегали к самокритике. Показателен в этом смысле доклад Александра Сергеева на областной комсомольской конференции в декабре 1955 г.: «Недостатков было бы значительно меньше, если бы у всех секретарей обкома ВЛКСМ было больше напряжения, инициативы, целеустремленности и продуманности в работе. Если бы они больше бывали в первичных комсомольских организациях, если бы члены бюро, работники всех отделов обкома следовали такому порядку: увидел недостаток — не записывай его, а вместе с комсомольцами устраняй» [Там же, д. 1246, л. 48].

Не менее примечателен и тезис из доклада ревизионной комиссии на этой конференции: «Нам кажется, товарищи делегаты, что в обкоме еще не отрешились от бумажного, декларативного стиля в руководстве, что в аппарате обкома ВЛКСМ есть еще немало работников, которые склонны преувеличивать силу бумаги и недооценивать роль организаторской работы по ликвидации недостатков на местах» [Там же, л. 53].

В прениях по данным докладам звучала и вовсе нецеремониальная критика. Секретарь Мичуринского горкома ВЛКСМ Сергей Крупенин фактически высмеял главный тезис секретаря обкома ВЛКСМ: «Тов. Сергеев правильно в докладе сказал, что комсомольский работник — это не регистратор фактов, это старший, добрый и когда нужно грозный товарищ. Комсомольский работник должен придерживаться принципа: увидел, исправь на месте, не уезжая. У работников обкома другой принцип: приехал, увидел, наобещал и уехал» [Там же, л. 113].

Представитель Уваровского района Горелов заявил: «Чтобы скрыть от делегатов незнание истинных причин и выйти сухим из воды, бюро обкома комсомола нашло ширму, обвинив отдельных секретарей и в целом райкомы комсомола в зазнайстве, благодущии и т.д.» [Там же, л. 118].

Секретарь Центрального райкома ВЛКСМ г. Тамбова Родионов еще на пленуме обкома перед конференцией призывал изменить характер доклада, дать более глубокий анализ работы. На конференции был еще более резок, указав на повествовательный характер отчетного доклада («обтекаемой формы»): «Для того, чтобы дать глубокий анализ работы, надо ее хорошо знать, а чтобы знать, надо держать тесную связь с комитетами комсомола, с первичными организациями... Я работаю секретарем райкома ВЛКСМ с 1953 года. И не видел у себя за этот период времени ни одного секретаря обкома ВЛКСМ. Сомневаюсь, чтобы секретари вообще знали дорогу в наш райком, в то время как райком расположен всего за четыре квартала от обкома» [Там же, л. 62-63].

К сожалению, и в первичных организациях руководители областного, городских и районных комитетов были нечастыми гостями: «Неслучайно, что т. Сергеев не мог сказать о хорошей или плохой работе наших институтов, потому что не знает положения дел в техникумах и институтах» (из выступления Селяниной, г. Мичуринск) [Там же, л. 73]. В этой связи нельзя не упомянуть, что даже секретари самых крупных первичных организаций и многие члены обкома не знали в лицо секретарей обкома ВЛКСМ. Впрочем, членство в обкоме часто было формальным. Некоторые члены обкома не получали никаких поручений, вся их обкомовская деятельность заключалась в посещении пленумов обкома ВЛКСМ. Говоря словами секретаря Тамбовского горкома ВЛКСМ Юрия Сепелева, комсомольские руководители «продолжали упорно верить в магическую силу бумажек и силу бумажных методов руководства — одного из основных методов руководства обкома комсомола» [Там же, л. 97].

Даже телефонные звонки в обком ВЛКСМ часто оказывались бесполезными: то следовали заявления о том, что сотруднику обкома некогда, то крики на «плохо работающих». Да и посещение организаций часто оказывалось бесплодным, так как комсомольские функционеры даже не находили время ознакомить подчиненных с результатами проверок, дать инструкции по устранению недостатков [Там же, л. 63]. К сожалению, не зная истинного положения дел на местах, многие комсомольские руководители занимались верхоглядством, выхватывали отдельные примеры, факты, порой несоответствующие действительности, а потом на них ссылались.

Сами комсомольцы осознавали, что одной из «хронических болячек» организации является зазнайство. Типичной становилась ситуация, когда организация, добившаяся каких-то заметных результатов, успокаивалась,

практически останавливалась в развитии. На комсомольских конференциях регулярно были слышны воззвания к таким организациям. «Ведь одного желания, товарищи тамбовцы, ставить рекорды и водить тяжеловесы — маловато. Надо учиться иметь глубокие знания, накапливать опыт» [Там же, л. 13] (Тамбовская областная конференция, декабрь 1955 г.). Однако и борьба с данным недостатком велась больше на словах, чем на деле.

Комсомольцев данного поколения значительно больше, чем представителей предыдущих поколений раздражало двоемыслие многих комсомольских функционеров. Оно все более явно трансформировалось в «двуязычие»: «Один язык в беседе, второй язык — трибунный. Вторым языком они владеют более в совершенстве» [Там же, л. 114].

Улучшения комсомольской работы на селе пытались добиться и с помощью введения должности инструкторов по зонам МТС. В замыслах высших комсомольских органов инструктор — это первый учитель и помощник комсомольскому активу, непосредственный организатор всех дел молодежи. Однако на деле на должности зональных инструкторов выдвигали малоопытных и слабо подготовленных комсомольцев. Практике комсомольской работы их не учили, а при выявлении недостатков вышестоящими органами комитеты ВЛКСМ шли по легкому пути: освобождали от должности как несправившихся с работой. В 1955-1956 гг. в Тамбовской области сменилось 85% зональных инструкторов райкомов ВЛКСМ. В некоторых зонах МТС за 2 года занимавшие должность инструктора менялись 3-4 раза [Там же, д. 1135, л. 45].

Комсомольские кадры, как и прежде, предпочитали не кропотливо учить, воспитывать, в том числе и на ошибках, а действовать «хирургическим путем»: удалять, менять - и снова: удалять, менять. Только в 1955 г. в области сменилось 605 секретарей комсомольских организаций, из них 300 — колхозных. В городах Мичурино, Моршанске, Тамбове сменяемость секретарей составляла 50%.

В Уметском районе райком сменил 35 секретарей комсомольских организаций из 58 (в том числе 16 из 25 колхозных). В то же время с секретарями комсомольских организаций проведен всего лишь один семинар. Причем учили на нем только ведению комсомольского делопроизводства [Там же, л. 47].

Своеобразными отголосками прошлого в эти годы выглядят призывы к укреплению политической бдительности. В документах комсомольских организаций они встречаются в данный период с течением времени все реже. Но одно то, что они все же встречаются (и порой совсем неожиданно), говорит о переходном характере изучаемого периода. Так, в докладе ревизионной комиссии на областной комсомольской конференции в декабре 1955 г. читаем сообщение о том, что лишь немногим более 20% первичных комсомольских организаций области готовы к обмену комсомольских документов. Вывод докладчик сделал следующий: «В связи с предстоящим обменом комсомольских документов есть прямая необходимость еще раз подчеркнуть о значении бдительности, ибо есть еще среди нас отдельные работники, которые забывают о ленинском требовании всегда и везде быть начеку» [Там же, д. 1246, л. 55]. Затем в докладе назывались конкретные лица, которые считают нормальным явлением «уйти из кабинета на час, полтора и даже более и оставить ключ в сейфе, где лежат секретные документы». Отличие ситуации от подобных выступлений на конференциях 1930-1940-х годов, конечно, бросается в глаза: уже нет обвинений во вражеской деятельности. Но сама мысль, допускающая вражеские действия в стенах обкома (допускалось ведь, что кто-то и в стенах обкома может выкрасть документы, что эти документы можно использовать во вражеских целях и т.п.), показательна: образ врага в общественном сознании комсомольцев (по крайней мере, комсомольских работников) утвердился весьма прочно.

Значительно более важную роль в жизни ВЛКСМ стала играть комсомольско-молодежная печать. Главной функцией молодежных газет по-прежнему была коммунистическая агитация и пропаганда. Но теперь не только сами читатели, но и руководящие органы комсомола ждали от комсомольско-молодежной печати активного вмешательства в жизнь молодежи: контроля исполнения принятых решений, реагирования на жалобы. Постановлением ЦК ВЛКСМ о сокращении платного аппарата и развитии самодеятельности в комсомоле (август 1957 г.) областным и краевым комитетам комсомола было передано право определять по согласованию с партийными органами объем, периодичность издания молодежных и детских газет, утверждать структуру и штаты редакций.

Именно газету рядовые комсомольцы воспринимали как самый эффективный комсомольский орган, который может всерьез повлиять на любое учреждение, любого бюрократа. Постоянно рос поток писем в редакцию газеты «Молодой сталинец». Если в 1954 г. редакция получила 3378 писем, то за неполный 1955 г. (с января по 15 ноября) — 3800 (подсчитано по: [Там же, л. 57]). Из них около 36% публиковалось. Ответы авторам на их письма давались примерно через 10-15 дней. Правда, были и многомесячные задержки: в основном из-за того, что районные комитеты ВЛКСМ предпочитали не отвечать на запросы редакции. Редактору в этом случае обком разрешал критиковать нерадивых комсомольских функционеров как напрямую через газету, так и жалуюсь в обком. Однако редколлегия областной газеты предпочитала проявлять настойчивость в работе с местными комитетами, чем использовать обычный для других комсомольских подразделений метод доносов.

Другое дело, если в письмах критиковался обком, или редакционные проверки обнаруживали надуманность заявленного ранее обкомовскими работниками: обком предпочитал молчать, не давая ни опровержений, ни объяснений [Там же, л. 65].

Комсомольцы были недовольны тем, что не все письма читателей публикуются. При этом, как показывает анализ выступлений на данную тему, они не хотели считаться с тем, что многие письма не могли быть опубликованы хотя бы из-за их низкого литературного качества. Комсомольские активисты регулярно критиковали «Молодой сталинец» за засилье редакционными материалами, отстаивая на самом деле «местечковые» интересы. Они рассуждали в русле: пусть напечатают ерунду, но ерунду о Нас!

Впрочем, анализ публикаций газеты «Молодой сталинец» за 1955 г. подтвердил неравномерность внимания газеты к проблемам различных районов области. В основном печатались материалы из Тамбова, реже — из Платоновского, Тамбовского, Лысогорского районов, иногда — Сосновского и Гавриловского районов. Корреспонденций из северных районов (Рудовского, Пичаевского, Алгасовского, Ракшинского) практически не было. Причина проста: чем ближе добраться до района — тем больше корреспонденции.

Одним из серьезнейших недостатков были ложность, непроверенность приводимых в газетных публикациях фактов. Как показывают выступления на комсомольских собраниях и конференциях, письма в редакцию газеты «Молодой сталинец», ошибки корреспондентов были отнюдь не редким явлением. Это вызывало огромное недовольство максималистски настроенных рядовых читателей. Привыкшие видеть в газете своеобразный нравственный пример, не сомневаться в правдивости печатного слова, они требовали принятия к нерадивым газетчикам самых решительных мер.

Массовый характер имело и недовольство читателей частым использованием псевдонимов. Еще в 1952 г. в «Литературной газете» прошла дискуссия, участники которой в большинстве своем пришли к осуждению псевдонимов. Показательно, что материалы дискуссии нередко цитировались комсомольцами и в середине 1950-х гг. Все чаще высказывалась критика в адрес «передовых» статей, которые также, как правило, не подписывались. Показательно, что откровенно негативное отношение к анонимкам продемонстрировала и областная комсомольская конференция (январь 1958 г.). Единодушно делегаты конференции посоветовали председательствующему на записки без подписей не отвечать [Там же, д. 1373а, л. 59].

В 1957 г. на 384 письма увеличился по сравнению с 1956 г. поток писем в областную газету «Комсомольское знамя». Всего в 1957 г. было получено 3 681 письмо. 1 698 из них было опубликовано. Газета наладила весьма широкую связь с активом рабочих и сельских корреспондентов [Там же, л. 57].

Работе с письмами и жалобами комсомольцев и молодежи придавалось все большее значение и в деятельности комитетов ВЛКСМ. Правда, письма в комитеты комсомола редко касались аспектов внутрисоюзной жизни. Так, в 1954-1957 гг. около 70% заявлений, поступивших в Тамбовский обком комсомола, являлись элементарными просьбами о трудоустройстве [Там же, д. 1246, л. 57, д. 1373а, л. 56]. Но и на данные обращения обком реагировал, помогал молодым людям в трудоустройстве. Строго наказывались виновные в волоките, затягивании рассмотрения просьб или нереагировании на письма. «Факты показывают, что еще и до сих пор отдельные работники обкома не поняли всей возможности этого решения, не поняли, что за каждым письмом и заявлением стоит наш родной советский молодой человек, по отношению к которому мы обязаны проявить максимум товарищеской заботливости, максимум чуткости, внимательности и теплоты. Никто из нас не имеет права забывать об этом и тем более не имеет права не выполнять этого», — подчеркивалось на областной комсомольской конференции в декабре 1955 г. [Там же, д. 1246, л. 57].

В январе 1957 г. пленум обкома ВЛКСМ поднял вопрос о неудовлетворительной работе по рассмотрению жалоб и писем в обкоме ВЛКСМ и редакции газеты «Комсомольское знамя». Данный вопрос был рассмотрен на бюро обкома ВЛКСМ. Нельзя сказать, что это стало панацеей в борьбе с бюрократизмом и волокитой, но, по крайней мере, в начале 1958 г. нерассмотренных жалоб в обкоме комсомола не было [Там же, д. 1373а, л. 56].

Журналистами давно подмечено: чем больше писем читателей приходит в редакцию, тем меньшую их часть могут публиковать на газетных полосах. Но подмечено и другое: сотрудники редакции располагают широкими возможностями использования информации, содержащейся в неопубликованных письмах. Их цитировали в статьях журналисты, они становились поводами для творческих командировок, материалом для анализа особенностей общественного мнения, публикации общих и тематических обзоров писем. Таким образом, в любом случае рост количества читательских писем в комсомольско-молодежные газеты и внимание к этому со стороны комсомольских органов — процессы, имеющие положительное значение для общественного развития.

Печать данного периода была мощным стимулом совершенствования комсомольской работы. В «Комсомольской правде», а следом за ней и в большинстве местных комсомольско-молодежных газет, стилистика, представлявшая нагромождение цифр и фактов, заменялась живыми репортажами и рассказами о личном опыте. Как пишет Катарина Уль: «Дискурс, который формировался и распространялся “Комсомольской правдой” и официальными документами, функционировал в качестве основного канала, определявшего мировоззрение молодежи, широкий спектр разнообразных влияний оформлял и изменял эту насаждавшуюся государством риторику» [18, с. 284].

На развитие инициативы и самостоятельности комсомольцев и молодежи нацеливал VII пленум ЦК ВЛКСМ, состоявшийся в феврале 1957 г.: «Вести всю работу не только силами платного аппарата, а прежде всего силами многочисленного комсомольского актива, комсомольцев... Мы и дальше должны развивать коллегиальность и демократию в комсомоле, крепить дисциплину в наших рядах, вести работу по дальнейшему расширению прав комсомольских организаций, искоренять бюрократизацию и излишнюю централизацию, поднимать роль каждого комсомольца, повышать его ответственность за состояние дел в организации...» [Цит. по: 10, с. 419].

В январе 1957 г. специально рассматривал вопрос «О состоянии и мерах улучшения внутрисоюзной работы» пленум Тамбовского обкома ВЛКСМ. С такой же повесткой дня были проведены пленумы и собрания комсомольского актива в районах и городах области. По решению ЦК ВЛКСМ с 1957 г. были созданы производственно-бытовые, по изучению и пропаганде передового опыта молодежи в промышленности и сельском хозяйстве, по вопросам эстетического воспитания, культурно-просветительной работе, физкультуре и спорту комиссии при комитетах комсомола. Начал внедряться институт внештатных секретарей райкомов и горкомов комсомола. Крупным промышленным, колхозным, совхозным и вузовским организациям,

насчитывающим две тысячи и более комсомольцев, предоставлялись права райкомов. Оперативнее решать вопросы внутрисоюзной жизни комсомольским группам ферм, бригад, участков давало предоставление им прав первичных организаций.

Была резко сокращена отчетность первичных комсомольских организаций, а также районных и городских комитетов ВЛКСМ перед вышестоящими органами, по некоторым вопросам отменялась ежемесячная и полугодовая статистическая отчетность.

В конце 1957 г. разгромной критике подвергся Ракшинский райком комсомола. Прежде всего, его обвиняли в поверхностном характере руководства первичными комсомольскими организациями. Вместе с тем, с нашей точки зрения, и критика ракшинцев носила поверхностный характер. Ведь в чем их обвиняли? В редком проведении комсомольских собраний, несвоевременной уплате членских взносов, частой сменяемости секретарей комсомольских организаций. А главным недостатком назывался медленный рост районной комсомольской организации [5, д. 1373а, л. 46-47].

Анализ многочисленных писем, заявлений, выступлений на комсомольских форумах позволяет говорить о наличии диаметрально противоположных направлений поисков ликвидации кризисных явлений в комсомоле.

С одной стороны, приходило осознание необходимости материальной поддержки комсомольских инициатив. Вернее, как позволяют об этом судить устные воспоминания ветеранов, думать об этом комсомольские функционеры начали раньше, но в прежние времена сказать об этом боялись. Теперь же стало в порядке вещей, когда даже руководитель комсомольской организации областного центра Сергей Локтев позволял себе такие мысли: «К сороковой годовщине Октября силами комсомольской молодежи было сэкономлено более 5 млн рублей за счет экономного и рационального расходования средств... Экономия есть экономия, но соревнование, не подкрепляемое никакими материальными поощрениями, глхнет...». На областной комсомольской конференции С. Локтев обратился напрямую к представителю ЦК комсомола: «Нужно поставить перед Советом Министров или через соответствующие Министерства рассмотреть вопрос о некоторой материальной заинтересованности, отчислять или комитету комсомола, или райкому комсомола, чтобы комитет комсомола имел средства для поощрения и проведения комсомольских мероприятий» [Там же, л. 60]. Примечательно, что в поддержку своей идеи он использовал общественные настроения рядовых комсомольцев, отсутствие материального стимулирования которых все реже можно было компенсировать энтузиазмом и самоотдачей.

С другой стороны, подавляющее количество инициатив по-прежнему базировалось на укреплении административного фактора. Даже в только что приведенном в качестве примера выступлении С. Локтева был призыв к введению ежемесячных (вместо ежеквартальных) отчетов о росте рядов комсомола. Сама практика, к сожалению, убеждала, что ослабление административного управления малоэффективно. В ряде городских и районных комитетов ВЛКСМ, прикрываясь борьбой с бумажной волокитой, перестали вести необходимые комсомольские документы [Там же, л. 55]. В 1956 г. ЦК ВЛКСМ отменил обязательное представление в обком комсомола протоколов заседаний бюро райкомов ВЛКСМ. Прикрываясь этим, многие городские и районные комитеты комсомола перестали представлять в обком и протоколы пленумов городских (районных) комитетов ВЛКСМ, в Ламском, Платоновском, Ракшинском районах комсомола планы работы бюро райкомов не составлялись, не оформлялись протоколы заседаний бюро и пленумов райкомов [Там же].

С одной стороны, происходило осознание ценности человеческого фактора. Из выступления на областной комсомольской конференции секретаря комсомольской организации Осино-Гаевской средней школы Рудовского района Василия Юмашева: «Многие секретари комсомольских организаций школ, а также и председатели колхозов относятся к комсомольцам неправильно, они их различают на хорошие и плохие... Это неправильно. Каждый человек хороший, если к нему лучше присмотреться, узнать его интересы, он станет хорошим человеком. Так, например, в нашей школе в 7 классе учился ученик, он не успевал, нарушал дисциплину в школе и вне школы. Все учителя и ученики говорили, что это заброшенный человек и нужно исключить его из школы и комсомола. Но никто не знал, что этот ученик хорошо играет на гармонии. Когда об этом узнали, ему поручили провести вечер отдыха в своем классе, он так организовал вечер, что его включили в соцсоревнование между классами. Он теперь стал успевать по учебе и работает активно в кружке художественной самодеятельности. Нам — комсомольским активистам надо поверить в любого комсомольца и понять его личные интересы, чем он хочет заниматься» [Там же, л. 63-64].

С другой стороны, в лексиконе комсомольцев по-прежнему встречались фразы, являвшиеся символами общественного сознания тоталитарной эпохи. Например: «Неправильно в милицию не возьмут» [Там же, л. 62]. У комсомольцев вызывало раздражение ограничение комсомольского вмешательства в дела государственных инстанций. Раздавались требования направлять выпускников школ в вузы по комсомольским путевкам [Там же, л. 67].

Именно в этот период в стиле комсомольской работы все больше чувствуется тяга руководства (вслед за партийным) к «шапкозакидательству», особенно в производственной сфере. Однако вопреки сложившимся обстоятельствам, когда партийное решение фактически не могло оспариваться, в ВЛКСМ находились люди, которые даже с трибуны заявляли о необходимости «спуститься на грешную землю». Делегат из Мичуринского района Негодяев позволил себе с трибуны областной комсомольской конференции высмеять очередной «Почин»: «В докладе выдвигается тезис: вырастить 50 тыс. телочек... У нас не хватит телятниц, чтобы вырастить 50 тыс. телят. На каждую телятницу придется 50 телят. Эта огромная нагрузка приведет к тому, что мы телочек не вырастим до того, чтобы пополнить дойное стадо этими телочками, потому что нагрузка слишком большая» [Там же, л. 66].

Шапкозакидательство соседствовало с показухой. Громко объявлялись условия социалистического соревнования, но итоги подводить или забывали вообще, или забывали наградить победителей. Вот типичное свидетельство из Токаревского района: «Обком комсомола много проявил хорошей инициативы, но ни одну из них не довел до конца. Так обстояло дело с клубами, так было с выращиванием телят, так было с подготовкой строительных рабочих... Как было организовано это соревнование? Сообщают райкому комсомола: вашей доярке присужден вымпел. Пока это решение пришло, пока соберутся в обкоме комсомола, уже проходит месяц. Этот вымпел только приходит в райком комсомола, приходит следующее решение обкома комсомола: передать вымпел другому району... это соревнование ничего не дает и мы только пыль в глаза пускаем обкому партии, говоря, что мы занимаемся соревнованием» [Там же, л. 107]. По существу организаторы соревнования занимались лишь составлением статистических данных. Их регулярно критиковали за несвоевременность в подведении итогов, отсутствие передачи опыта передовиков. Более того, периодически произносились «покаянные» речи комсомольских руководителей, но проблема так и оставалась нерешенной.

Недаром снизу все чаще звучали призывы оптимизировать количество видов социалистического соревнования. Эти требования поддержал и ЦК ВЛКСМ, чей представитель заявил с трибуны областной комсомольской конференции о необходимости «пойти на сокращение количества форм соревнования, выбрав из них главные, и вести это соревнование по-настоящему, тогда будет меньше разговоров, что обком не доходит до первичных комсомольских организаций и плохо организует дело» [Там же, л. 123].

Однако призывы — призывами, а реальность мало изменялась. Показательно, что на областной комсомольской конференции в начале 1958 г. после многочисленных выступлений с критикой организации различных форм социалистического соревнования руководство обкома настояло в итоговой резолюции вновь объявить социалистическое соревнование сразу в нескольких отраслях. В том числе брались и гигантские соцобязательства по выращиванию водоплавающей птицы, нереалистичность которых фактически никем не оспаривалась [Там же, л. 144].

Представление о той или иной работе на местах комсомольские руководители, как правило, получали по справкам нижестоящих органов. Нередко проходило достаточно много времени после их составления — и они просто устаревали. Свидетельство из Мичуринского района: «Вот, например, из обкома комсомола однажды звонят: “Товарищи мичуринцы, подготовьте справку, где бы говорилось о положительном опыте комсомольской организации в животноводстве”. Справка была представлена, но только спустя полгода вышло решение бюро обкома комсомола с приложением справки. Кому эта справка и решение дали пользу? Лучше бы организовать школу передового опыта на базе лучшего района» [Там же, л. 66-67].

Все более явным становилось неравномерное распределение поручений внутри комсомола. На XI областной комсомольской конференции при выборах обкома неслучайно взяла самоотвод молодая рабочая с анилинокрасочного завода: «Я член комитета комсомола, секретарь комитета комсомола, член бюро райкома комсомола, член горкома комсомола и еще будучи членом обкома комсомола и депутат горсовета. У меня столько обязанностей, что я забываю, когда, на какое заседание идти» [Там же, л. 149]. Неоднократно поднимал эту проблему секретарь Центрального райкома ВЛКСМ г. Тамбова Теплых. Прочитируем одно из его выступлений: «Если кто из активистов проявит себя, то мы стараемся на этого товарища все нагрузки взвалить: они у нас являются членами райкома и членами горкома, и в члены обкома комсомола будут рекомендоваться. Значит, если это секретарь крупной комсомольской организации, то его нужно во все дырки совать и рядом с ним не замечать тысячи рядовых комсомольцев, которые ждут поручений» [Там же, л. 74]. На самом деле данное выступление «обнажило» сразу несколько проблем. С одной стороны, необходимо было как-то преодолевать загруженность активных комсомольцев общественной работой. Комсомолец, обязанный в первую очередь подавать пример в труде или учебе, часто вынужден был отодвигать основное свое жизненное и производственное предназначение на задний план. Более того, часто тот или иной активист и общественной работе по существу уделял мало внимания, становясь участником многочисленных заседаний различного рода. «Прозаседавшиеся» по существу отрывались и от работы, и от учебы, и от комсомола. В связи с этим у них резко падал авторитет среди рядовых комсомольцев, возникала своеобразная отчужденность комсомольского актива и комсомольских масс.

Вместе с тем, бурный количественный рост комсомола привел к тому, что в нем становилось все больше рядовых членов, которые в силу своего общеобразовательного и культурного уровня просто не способны были к какой-либо эффективной общественной работе. Не имея каких-либо ответственных поручений, всю свою работу в комсомоле они сводили к уплате членских взносов или вынужденному исполнению разовых поручений. Причем, как правило, выполняя их, данные члены ВЛКСМ воспринимали любое поручение как вынужденную обузу, «распоряжение начальника». Инициатива для данных комсомольцев выглядела чем-то чужеродным, неприемлемым.

Если раньше поездки членов обкома на места были очень редкими, то теперь комсомольцев раздражала другая крайность: комсомольское «начальство» приезжало часто, но обычно лишь для того, чтобы посмотреть на местность, отдохнуть. Неслучайно в отношении первых секретарей райкомов и членов бюро обкома все чаще звучали оценки: «туристы», «спутники» [Там же, л. 78], «организаторы экскурсий комсомольского актива в колхозы» [Там же, л. 104].

В отдаленных районах комсомольские руководители областного звена были очень редко, но когда приезжали, порой вызывали еще большее раздражение, не вникая в суть местных проблем, давая распоряжения без учета конкретной ситуации. Показателен пример инструктора обкома ВЛКСМ Козлова, сумевшего на

отчетно-выборном собрании восстановить против себя всех комсомольцев совхоза «Планица» Шехманского района. В совхозе сумели убедить вступить в комсомол 25-летнего слепого юношу, который до этого чуть не стал участником преступления, но комсомольская организация сумела привлечь его в свою работу, парень стал активным участником художественной самодеятельности. Однако Козлов заявил о нежелательности вступления «великовозрастного» кандидата в ВЛКСМ — и парень сам отказался от вступления «после бездушного отношения» [Там же, л. 84-85].

Значительно чаще посещались сотрудниками обкома ВЛКСМ близлежащие районы. В Кирсановском районе в 1957 г. побывали все сотрудники обкома. Причем в общей сложности они пробыли в районе 150 дней. Последний заезд был с 12 по 22 декабря. Приехало 5 человек как раз перед очередными выборами в советы «для оказания методической помощи». За 10 дней эта группа не провела ни одного комсомольского собрания, не прочитала ни одной лекции. Отчитали райком за плохую агитацию молодежи для работы на фермах, но сами никого даже не пытались сагитировать [Там же, л. 117-118].

К сожалению, и комсомол данного периода не избежал клановости, борьбы группировок. Но в отличие от двух предыдущих десятилетий ее характер стал в определенной мере человечней. Избавившись от идеологического налета, радикальных обвинений во вражеской деятельности, с точки зрения морали она по-прежнему не может вызывать симпатий. Освобождение от должности лица, нежелательного для того или иного номенклатурного клана, проводилось, как правило, отнюдь не путем демократических процедур с предложением на выборах альтернативных кандидатур и т.п. Впрочем, в отличие от доносов, откровенной клеветы стали использоваться более изощренные методы.

Одним из них стало применение для дискредитации того или иного человека комсомольско-молодежной печати. К сожалению, у газетной критики был весьма существенный недостаток: она воспринималась как истина в последней инстанции, хотя и в те времена были откровенно заказные статьи. Радует, что были все-таки исключения из правила, когда комсомольцы сопротивлялись «заказной критике». Так, когда руководителя Красивской районной организации, руководителя обкома попытались устранить с помощью разгромной статьи в «Комсомольском знамени» «О бюрократическом стиле работы О-ва», актив района на организационном пленуме высказался за... награждение критикуемого [Там же, л. 81-82]. «Обком комсомола вместо того, чтобы правильно подходить к товарищам и чтобы направлять так и газету — не делает этого. Газета подходит необъективно и порой сглаживает или обходит острые углы ради того задания, которое получила», — весьма красноречиво описывал ситуацию другой красиковский комсомолец Ракшин [Там же, л. 82].

К сожалению, к человеку, который отличался по своим методам работы, но проявлял активность и огромное желание работать, предпочитали применять «хирургические» методы: отсекал от системы. Одним из способов этого стала целенаправленная критика, переходящая фактически в травлю. Тот же Ракшин приводил пример Инжавинской комсомольской организации: чтобы освободиться от первого секретаря райкома комсомола, обком направил в организацию 16 проверок, которые «занимались сбором материала для разноса его на бюро, чтобы убрать с дороги» [Там же, л. 81].

Данный период в развитии внутрисоюзных отношений в ВЛКСМ можно по праву назвать периодом нереализованных возможностей. Как никогда до этого (по крайней мере, после 1920-х гг.), в комсомоле середины 1950-х гг. проявлялись тенденции демократизации внутрисоюзной жизни, развития критики и самокритики, самодеятельности первичных организаций. Но, дав, как и вся «оттепель», немало надежд на позитивные перемены, «оттепель» внутрисоюзная оказалась периодом обманутых надежд.

Список литературы

1. **Беляев А. А., Бредихин В. Е., Слезин А. А.** Становление системы общего вечернего образования: роль комсомола // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 3. С. 23-28.
2. **Беляев А. А., Слезин А. А.** Роль комсомола в развитии системы учебных заведений трудовых резервов в первые годы после Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6. Ч. 3. С. 35-39.
3. **Ванин В. А.** Культурно-просветительная работа комсомольских организаций в середине 1950-х годов // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 9.
4. **Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области** (ГАСПИТО). Ф. П-1160. Оп. 1.
5. **ГАСПИТО.** Ф. П-1184. Оп. 1.
6. **ГАСПИТО.** Ф. П-8929. Оп. 1.
7. **ХII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, 19-27 марта 1954 г.:** стеногр. отчет. М.: Молодая гвардия, 1954. 724 с.
8. **Скорочкин Р. В., Преображенская Е. М.** Эволюция содержания комсомольско-молодежной газеты Тамбовской области в 1950-е - 1980-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2. Ч. 1. С. 161-164.
9. **Скребнев В. А., Ванин В. А.** Фестивальное движение в российской провинции середины 1950-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. Ч. II. С. 181-185.
10. **Славный путь Ленинского комсомола.** М.: Молодая гвардия, 1978. 590 с.
11. **Слезин А. А.** Огосударствление комсомола: неоднозначность последствий // Юридический мир. 2006. № 9. С. 75-80.

12. Слезин А. А. Попытки совершенствования стиля внутрисоюзной работы в комсомоле второй половины 1920-х годов // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. СПб., 2003. Вып. 1. С. 117-130.
13. Слезин А. А. Этангизация комсомола: этап второй // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2009. Т. 15. № 1. С. 249-255.
14. Слезин А. А., Беляев А. А. Коммунистическое «министерство молодежи» в духовной сфере жизни послевоенного советского общества // Политика и общество. 2009. № 12. С. 30-34.
15. Слезин А. А., Беляев А. А. Провинциальный комсомол в системе взаимоотношений советского государства и Русской православной церкви (1940-е – начало 1960-х гг.) // Политика и общество. 2010. № 1. С. 22-29.
16. Слезин А. А., Беляев А. А. Состав провинциальных комсомольских организаций после Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. С. 25-32.
17. Слезин А. А., Беляев А. А. Школьные комсомольские организации в условиях послевоенного развития: 1945-1954 гг. // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2010. № 3. С. 19-29.
18. Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279-326.

STYLE OF PROVINCIAL KOMSOMOL ORGANIZATIONS DOMESTIC WORK IN THE MIDDLE OF THE 1950S

Vladimir Alekseevich Vanin

Anatolii Anatol'evich Slezin, Doctor in History, Professor

Department of History and Philosophy

Tambov State Technical University

hist-tstu@mail.ru

Basing on the materials of Tambov region the authors reveal the main tendencies in domestic relations development in provincial Komsomol organizations of 1953-1957, and along with the development of criticism and self-criticism, the principle of collectivity in decision-making, the reinstatement of Komsomol bodies electiveness the authors pay attention to parasitical mood, facile optimism, the prevalence of the "paper" methods of management, the uneven distribution of orders and other phenomena that in the end did not allow meeting the expectations of radical changes during the period of domestic "thaw".

Key words and phrases: youth; Komsomol; "thaw"; group of activists and masses; bureaucracy; servility; criticism and self-criticism; parasitical mood.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассмотрены роль московских учебных заведений в праздновании столетия Отечественной войны 1812 года, организация марша-похода учащихся в Филях, обстоятельства подготовки и проведения императорского смотра-парада в Москве воспитанников средних школ заведений России. На основе анализа главным образом архивных документов изучена деятельность министерства просвещения, руководства Московского учебного округа и директоров школ, приведены формы участия школьников в торжествах и их значение для патриотического воспитания учащегося юношества.

Ключевые слова и фразы: 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года; московские учебные заведения; императорский смотр учащихся.

Нисон Семенович Ватник, к.и.н., доцент

Кафедра истории

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

vanis@list.ru

СРЕДНИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ МОСКВЫ В ПРАЗДНОВАНИИ 100-ЛЕТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА©

1912 год для России знаменателен множеством мероприятий в честь 100-летия изгнания из страны наполеоновской армии. Повелением Николая II от 24 октября 1911 года юбилей должен был стать общенародным торжеством «с привлечением к участию в нем возможно обширных слоев населения империи». Указывалось, что в «Санкт-Петербурге и других более или менее крупных центрах России празднование юбилея должно быть организовано в виде торжественных богослужений и церковных парадов, при широком ознакомлении путем бесед и популярных чтений подрастающего поколения и народа со значением празднуемого события для России». Открытие торжеств было приурочено к 26-му августа, т.е. к столетию Бородинского сражения. В высочайшем повелении особо определялось, что в Москве празднества «будут носить не исключительно